

DOI: 10.46698/VNC.2025.95.56.008

СКАЗАНИЯ О БАТРАЗЕ: АРХИТЕКТОНИКА ЦИКЛА

З.К. Ханаева

Давно было обращено внимание на структурные особенности осетинского нартовского эпоса. Сказания осетинского эпоса формировались по принципу презентации жизненного цикла. Были выделены циклы сказаний, группирующиеся вокруг героев, но факторы формирования подобной структуры не рассматривались. В статье рассматривается один из циклов осетинского нартовского эпоса – цикл Батраза, представляющий высокую степень взаимосвязи мотивов, эпизодов, сюжетов; проводятся параллели с основными версиями нартовского эпоса. Батраз – один из центральных героев осетинского эпоса, эпическая биография которого презентуется довольно полно: сказания представляют классический жизненный цикл эпического богатыря от рождения до гибели. Наполняемость цикла, т.е. его насыщенность мотивами и сюжетами, способствует более полному раскрытию характера героя и более широкому охвату его эпической жизни. Обращает на себя внимание и такой момент – сказания о Батразе вбирают в себя сюжеты биографии его отца и даже могут передаваться как единый текст, что говорит о формировании структуры эпопейного характера. Автор обращается к мотивам и блокам мотивов, входящих в цикл и формирующих ткань эпического повествования, рассматривает процессы сюжетосложения, факторы, формирующие структуру эпического текста в процессе устного бытования, среди которых прежде всего выделяется доминанта героя, а также процесс контаминации как явления, позволяющего формировать и развивать эпический текст и даже структуру циклического характера. В цикле выделяются сюжетообразующие мотивы, характерные именно для цикла Батраза, константные в нем, благодаря которым сказания получают оригинальное развитие, а также мотивы, характерные для сказаний эпоса в целом, являющиеся сюжетообразующими в структуре текста.

Ключевые слова: осетинский эпос, мотив, сюжет, доминанта героя, контаминация, сюжетосложение, циклообразование.

Для цитирования: Ханаева З.К. Сказания о Батразе: архитекtonика цикла // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 56 (95). С.148-160. DOI: 10.46698/VNC.2025.95.56.008

Поступила в редколлегию: 19.05.2025 г.

Цикл сказаний о Батразе – один из центральных в осетинском эпосе и представляет высокую степень комплексной взаимосвязи, обеспечивающей целостность в обрисовке эпических событий, интерпретации тем, эпизодов, сюжетов, мотивов, их взаимообусловленность. Сказания осетинского эпоса формировались по принципу презентации жизненного цикла героя и цикл Батраза не исключение. Этот цикл наиболее полный по количеству и качеству входящих в него сюжетных структур с точки зрения формирования эпической био-

графии. Ядром биографического цикла является образ героя, его подвиги, чем обусловлено насыщение сказаний различными сюжетами и мотивами и даже эпизодизация сказочного повествования.

Цикл Батраза формируют следующие группы сюжетов: о женитьбе Хамыца на женщине из малорослого рода; о рождении и закалке Батраза; о том, как Батраз спас Урызмага; как спасал нартов; о том как Батраз сокрушил крепость Хыз; о споре нартов: нартовская Уацамонга и три сокровища нартов; о чудесном зубе Хамыца; о смерти Хамыца и мести Батраза за смерть отца; о смерти Батраза.

В циклах, выстроенных по биографическому принципу, обычно прослеживается богатырская жизнь только одного героя, например, как в цикле Сослана, а жизненный цикл Батраза углублен и расширен в генеалогическом направлении ещё и «биографией» его отца, Хамыца.

Сюжет о рождении Батраза довольно архаичен. Мифологические и исторические интерпретации этого сюжета хорошо известны: Ж. Дюмезиль сравнивал рождение Батраза и рождение индийского бога Индры; сопоставлял чудесное рождение Батраза из спины отца со скифским преданием об энареях, описанным Геродотом.

Стержень сказания о рождении Батраза таков: Хамыц женится на девушке из малорослого рода Бцента (камбадата) или из Донбеттыров; жена уходит от Хамыца и возвращается в свой дом из-за нанесенной ей обиды, но прежде чем

уйти, она своим дыханием (плевком) передает зародыш в спину Хамыца; из нароста на спине Хамыца рождается Батраз; закалка Батраза.

Экспозиционным в сказании о рождении Батраза выступает эпизод охоты. Хамыц отправляется на охоту, видит чудесного оленя и только хочет его подстрелить, как в этот же миг олень падает сраженный чьей-то стрелой. Подойдя ближе, Хамыц видит человека небольшого роста, ловко освежевающего оленя. Хамыца поражает сила и ловкость малорослого охотника, и он решает взять себе в жены девушку из этого удивительного рода. У охотника есть сестра и он бы отдал её за Хамыца, но при одном условии (так называемый запрет Мелюзины): её нельзя обидеть или её никто не должен видеть, сжигать лягушачью шкуру или панцирь. Конечно, запрет нарушен, благодаря Сырдону, которого называют злом нартов и который по своим функциям в осетинском эпосе очень напоминает скандинавского Локи. Сырдон сжигает панцирь, в котором жена Хамыца находится днем (по вариантам оскорбляет её). Жена Хамыца не может после этого оставаться у нартов и, передав зародыш Хамыцу (плюет между его лопаток), уходит.

Нарост на спине Хамыца вскрывает Сатана [1, 246-248], Батраза сразу же бросают в море, затем следует эпизод выманивания героя из моря, который встречается и в даредзановском эпосе осетин в связи с Амраном. По другим вариантам [2, 230-234], Сатана вскрыв-

вает нарост на седьмом этаже башни, а внизу устанавливает чаны с водой. Батраз падает, прожигая все семь ярусов башни и уходит по колено в землю.

Закалка героя – один из ключевых моментов в формировании цикла. Батраза закаляет Курдалагон в своей небесной кузнице, а затем бросает раскаленного героя в море. С мотивом закалки всегда связан мотив уязвимости. В сказаниях осетинского эпоса о Сослане уязвимым местом героя всегда являются колени, уязвимым местом Батраза выступают различные участки тела: это может быть кишка, три волоска на темени, темя (когда Батраза бросают в море, оно высыхает и не покрывает макушку героя).

Эпизоды рождения и закалки героя – центральные в этом сказании и имеющие имплицитную связь. С момента рождения предопределена и гибель героя: в начале эпической биографии появляется мотив, замыкающий жизненный цикл – мотив уязвимости.

Сказания о рождении героя находим и в адыгской, и в абхазской версиях нарттовского эпоса. Но в этих национальных версиях нет ни такого чудесного рождения героя из нароста на спине отца, нет закалки и, следовательно, уязвимого места. Правда, во всех версиях нарттовского эпоса матерью героя является женщина из племени малорослых людей испов (у адыгов) или ацанов (в абхазском эпосе).

В адыгской версии [3, 275-278] после обиды, нанесенной мужем, дочь испов просто ушла от Хымышы, пережила его гибель и родила сына Патараза.

В абхазской версии Зылха – мать Цвица, уходя, вспарывает себе живот, извлекает ребенка и оставляет его нартам [4, 118-121].

Осетинские бцента, камбадата, адыгские испы, абхазские ацаны типологически родственные друг другу образы. Сравнивая греческий миф о пигмеях и журавлях с кавказскими преданиями о малорослых людях, И.В. Шталь отмечает, что они имеют самостоятельное бытование и зафиксированы лишь в Абхазии. «Бытование же несамостоятельное, иначе – «вкрапления» предания о кавказских пигмеях в другие эпические предания Кавказа находим применительно к нарттовскому эпосу во всех его региональных вариантах...» [5, 210].

Сказания о малорослых людях и женщине из их племени вошли в героический нарттовский эпос, подчинившись поэтическим и эстетическим нормам эпоса. Вместе с тем И.В. Шталь приходит к выводу, что сказания о малорослых людях бытовали еще до вхождения в нарттовский эпос. Об этом, по мнению ученого, говорят «присутствующие в сюжете элементы волшебной сказки, так называемый «запрет Мелюзины», восходящие к мифологическому табуированию и развивающиеся параллельно условию-запрету богатырского и героического эпоса» [5, 222].

Таким образом, сказание о рождении Батраза дает много древних мотивов, восходящих своими корнями к мифологическим преданиям различных этнических групп: рождение из спины

отца; рождение от женщины из малолетнего племени; рождение Батраза железным; падение в момент рождения с седьмого этажа башни. В этом сказании встречаются и мотивы продуктивные в сюжетосложении эпоса в целом – мотив охоты, надления частью от добычи. И, конечно, в центре блок мотивов, связанный с чудесным рождением, а также мотив «ахиллесовой пяты», интерпретированный в связи с Батразом. Эпизод, связанный с падением Батраза с седьмого яруса башни в момент рождения, характерный для этого сказания, встречается и в других сказаниях цикла: в минуту опасности Сатана вызывает на помощь Батраза, и он именно этим способом спускается с небес.

С одной стороны, осетинский Батраз живет на небе и спускается на землю, чтобы совершать подвиги, спасать нартов. Батраз осетинских сказаний в большей мере «несет в себе черты мифологического образа, где еще клокочут бурные первозданные космические силы, для которых оболочка обычного, хотя бы эпического героя слишком хрупка и эфемерна» [6, 38].

С другой стороны, в осетинских сказаниях Батраз в детстве все время сидит у очага в золе. Именно эта черта Батраза-золушника получает особое развитие в абхазской версии. Цвиц – мальчик-золушник, в тайне от всех совершающий свои подвиги. Ж. Дюмезиль отмечал, что характер «золушки» и особенно жалкий вид, приписываемый Батразу, менее развит в записанных об этом герое ранних сказаниях, но значи-

тельно выражен в абхазских вариантах, опубликованных недавно, где Цвицу принадлежит роль осетинского Батраза [7, 184].

В осетинском сказании «Батраз сын Хамыца и Арахцау сын Деденага» [1, 254-256], входящем в цикл Батраза и посвященном теме игр Батраза в детстве, наш герой как раз и предстает в образе маленького заморыша, который греется у очага и собирает золу в кучи. Но провожая Арахцау на пир к нартам, этот мальчик-золушник так сдавливал бока его коня, что из горла коня падают сгустки крови. Затем Батраз и Арахцау испытывают свои стрелы. И здесь маленький Батраз берет верх. Говоря об этом сказании, Ж. Дюмезиль отмечал, что «эта легенда, хорошо засвидетельствованная у осетин, расцвела пышным цветом у восточных и западных черкесов, где она послужила материалом эпической жалобной песни о Бадыноко» [7, 185]. Это сказание и в осетинской, и в адыгской версии контаминируется иногда со смертью Челахсартага и женитьбой Сослана – Сосруко. Учетное предложение Сатаны зайти в дом в адыгской версии разворачивается в целый эпизод, где Сатаней заманивает героя, пытаясь соблазнить его [3, 263-265].

Адыгский цикл Бадыноко довольно развитый и содержит мотивы и сюжетные комплексы, заимствованные из других циклов. Бадыноко приписывается спасение Озырмеджа. Ему же приписывается обладание стальными усами, которыми он убивает гадов в поднесенной ему чаше.

В сказании о спасении Урызмага Сатана вызывает на помощь Батраза, и он спускается с небес, прожигая семь этажей башни. Внизу Сатана предусмотрительно ставит котёл с водой [2, 239-241]. В других вариантах, стремительно спустившись с небес, Батраз так раскаляется, что отрывает ледники и кладёт их на голову; ледники тают и стекают с Батраза подобно рекам или же Батраз выходит на помощь Урызмагу из моря [1, 256-259]. Как уже отмечалось, стремительное низвержение героя с небес на землю характерно для цикла Батраза. Ж. Дюмезиль и В.И. Абаев, рассматривающие Батраза как грозного героя, в мотиве его низвержения с небес усматривают черты грозного божества, подчеркивая, что для примитивных народов было характерно представление о молнии как о металлическом предмете. Стальной же Батраз, раскаляющийся при падении, полностью соответствует этим представлениям [6, 80].

В основе сказания о спасении Урызмага – сюжет «пира с западной». Все события сказания разворачиваются на пиру. По вариантам Урызмага спасают Батраз с Сосланом или Батраз, Созырыко и Сослан, но главная роль всегда принадлежит Батразу.

Экспозиционным в сказании выступает мотив приглашения на пир. Сказание о спасении Урызмага – пример «двойной игры» Сырдона: с одной стороны, он учит послать за Урызмагом женщину и тогда он не сможет отказать, с другой – сам идет приглашать и тогда

в иносказательной форме сообщает об опасности [1, 256-259].

Сказание о спасении Урызмага может усложняться. Тогда универсальный сюжет о шубе из усов и бород получает несколько иную трактовку: Батраз сдирает усы нартов и приносит Сатане, чтобы она сшила шубу для Урызмага. Для шубы недостает воротника и Батраз отправляется за усами небесного Арфана. В этом случае в сказании появляется эпизод, характерный для цикла Сослана [1, 169].

Хотя сказания о спасении Урызмага в цикле Сослана и в цикле Батраза совпадают, но появляются и новые мотивы, характерные только для Батраза как стального героя-богоборца. Это блок мотивов, связанный с низвержением Батраза с небес на землю, на помощь нартам.

Батраз как защитник и спаситель нартов – одна из основных черт этого героя. И следующая группа сказаний характеризует Батраза именно с этой стороны [1, 261].

В сказании о том, как Батраз спасает нартов от одноглазого великана и его сына, нарты устраивают симд. К нартам приходит сын кривого великана и издевается над ними. На помощь спешит Батраз и в пляске калечит великана. Батраз или сам спускается с небес, или за ним посылает Сатана.

Батраз спасает нартов и от дани. Так, в сказании «Батраз и сын Тара Мукара» великан Мукара угоняет лучших нартовских дев и жен. Сатана опять посылает к Батразу, и он бросается с небес на землю.

В сказании о том, как Батраз спас старших нартов, Урызмаг, Хамыц и Сослан отправляются на охоту и попадают к великанам-людоедам. Перед смертью нарты поют. Услышал их Батраз и бросился на помощь нартам. Этот сюжет напоминает сказание о том, как Сырдон спас именитых нартов. В этом сказании нарты тоже отправляются на охоту, в балц и попадают к великанам. Сюжет вроде один и тот же, но решается он по-разному, в зависимости от доминанты героя. В связи с Сырдоном сюжет разрабатывается в юмористическом плане, здесь же, в цикле Батраза, в героическом, в соответствии с традициями героического эпоса.

Следующее сказание данной группы о том, как Батраз спас Сослана. Сослан попадает к кадзиевской Сатане и оттуда его освобождает Батраз.

Группа сказаний, где Батраз выступает как спаситель нартов, довольно многочисленна. Сказания этой группы дают много интересных мотивов. Среди мотивов, обязательных в сказаниях о кривом великане и его сыне, выделим нартовский симд. В этом сказании он экспозиционный. Для всех сказаний этой группы характерно и стремительное появление Батраза: он бросается с небес и от этого колеблется земля, раскалившись при падении, он кладет на голову кусок ледника и с его головы стекает вода подобно родникам. Среди общепродуктивных мотивов выделяется мотив увечья: великан калечит нартов, а затем Батраз в пляске отрывает руку и ногу великану.

Сказание о том, как Батраз сокрушил крепость Хыз (Сайнаг) схоже с сюжетом из цикла Сослана. По вариантам Батраз добывает или возвращает похищенную жену (невесту) Сослана; добывает невесту для своего отца, Хамыца или освобождает свою невесту. В вариантах сказания присутствуют мотивы, характерные для этого сюжета в цикле Сослана: мотив трех стрел, новорожденный младенец, отправляющийся сражаться. Но несмотря на это, один сюжет, в зависимости от доминирующего героя, получает разное развитие. Во всех вариантах сказания Батраз сокрушает крепость, зарядив собой пушку – мотив характерный только для сюжетов о Батразе.

В сказании о взятии крепости Хыз Батразом появляется и мотив тяги земной [2, 256-258]. Сокрушив крепость, возгордился Батраз. И вот, проезжая по дороге, он увидел шапку, в которую вошла вся сила земли. Он хочет приподнять ее и не может. Тогда Батраз понимает, что нет никого сильнее Бога.

Мотив «человек-снаряд» встречается в абхазской версии. Цвиц берет вражескую крепость подобно осетинскому Батразу [4, 200-205]. В адыгской версии тоже упоминается пушка Батраза, когда он грозит нартам расправиться с ними [3, 265-272].

В сказаниях о споре нартов выявляется лучший из нартов, которому достанется Уацамонга – чудесная чаша осетинского нартовского эпоса.

Мотив чудесной чаши получает особое развитие в осетинском эпосе. Здесь

Уацамонга играет самостоятельную роль и, как отмечала Т.А. Хамицаева, «Образ чаши «персонифицирован», так как она является своеобразным действующим лицом, наделенным даром определять достоинства героя» [8, 72].

Мотив чудесной чаши привлекал к себе внимание многих ученых. Еще В.Ф. Миллер сравнивал этот мотив в нартовском эпосе осетин со скифским обычаем, описанным Геродотом. По этому обычаю из сосуда, который наполнялся вином, могли пить только те, кто убил врага [9]. Многочисленные фольклорные параллели осетинской Уацамонга приводит В.И. Абаев [6]. Ж.Дюмезиль отмечал мифологическую роль чаши, согласно трехфункциональной системе, как атрибута первой функции в мифологии скифов, сохранившей это значение и в осетинском эпосе: чашу Уацамонга хранит род мудрых, Алагата – нарты первой функции [10]. Перед чашей нарты рассказывают о своих подвигах и, если правдивы их речи, напиток в чаше вскипает, и она сама поднимается к устам героя. Чаша всегда достается Батразу и вскипает от его слов. Батраз, как герой-богоборец, похвально тем, что десятками убивает небожителей. Этот сюжет может осложняться еще одним эпизодом. Бог зерна Хоралдар прячется в пузырьке пены в Уацамонга, чтобы узнать, кто убил его сына, когда нарты начнут хвалиться перед чашей [1, 275-276]. В связи с этим эпизодом в сказании появляется этиологический мотив: узнав, что Батраз убил его сына, Хоралдар хочет ли-

шить нартов хлеба. Этим объясняется, почему в колосьях пшеницы и ячменя стало меньше зерен. Для сказаний о споре нартов за Уацамонга характерен мотив «отравленного напитка» и убийства гадов стальными усами. Только Батраз смог выпить чашу, наполненную всякими гадами, ударяя их булатными усами [2, 272-273]. Мотив убийства гадов стальными усами приписывается и Хамыцу, а адыгском эпосе этот мотив встречается в цикле Бадыноко.

В другом варианте сказания о том, как нарты спорили кто лучше, спор идет между Сосланом и Батразом. Кто вернется с лучшей добычей, тот самый достойный. Сослан и Батраз оказываются равными по своим достоинствам [1, 277]; или о том, кто лучший, нарты спрашивают у Сырдона [1, 278-279]. Сырдон отвечает, что лучший тот, кто, прогарцевав на своем коне в Большом нартовском доме, ласточкой вылетит в окно, след чьего коня будет подобен следу плуга и кто с небесной равнины привезет Богом сотворенную девушку. Батраз исполняет все и отправляется за девушкой. Здесь повествование переходит в сказочное русло. Весь путь Батраза на небесную равнину усеян препятствиями: это безводная пустыня, огромный орел, от крыльев которого все меркнет вокруг, сшибающиеся скалы, между которыми должен проскочить герой.

По вариантам [1, 280-285] спор нартов – кто лучший – решает Акула-красавица. Большое место в этих сказаниях отводится богатырскому симду. Нарты устраивают большой симд, что-

бы Акула обратила на них внимание, когда будет пролетать над ними в своей башне. Акула у всех находит недостатки и только Батраз без недостатка. Он был бы достоин ее, если бы освободил своего деда, которого унес крылатый уаиг Кандзаргас. На пути Батраза опять сдвигающиеся горы, которые надо преодолеть. Появляется сказочный мотив купания и омоложения героя в молочном озере; появляются сказочные предметы с чудесными свойствами: веревка (все перевязанное ею становится невесомым), кожа, на которой могут уместиться сокровища всего мира.

В сказании о трех сокровищах нартов [1, 286-289], нарты решают, кто лучший среди них. А критерии определения лучшего нартовского мужа таковы: мужество, воздержанность в еде и питье и уважение к женщине. Все три сокровища забирает Хамыц, говоря, что Батраз обладает всеми этими достоинствами. Нарты решают испытать Батраза, и он с честью выдерживает все испытания.

Тема спора нартов о том, кто из них лучший реализуется в цикле Батраза в различных сюжетах и все они характерны именно для этого цикла. Батраз всегда признается лучшим. Исключение составляет вариант, в котором красавица Уадзафтауа лучшим из нартов признает Ацамаза [11, 42-45].

Мотивы чудесной чаши, симда нартов подробно разрабатываются в этих сказаниях.

В абхазском эпосе роль нартовской Уацамонга выполняет кувшин Вадза-

макят. От правдивых слов вино в кувшине начинает клокотать. И в абхазской версии лучшим из нартов оказывается Цвиц. В адыгском эпосе определителем истины является кадка с сано, над которой нарты хвалятся в своих подвигах.

В цикл сказаний о Батразе входит и сказание о чудесном зубе Хамыца. Это сказание – один из эпизодов биографии Хамыца. В цикле Батраза оно существует самостоятельно и имеет «генеалогическое» отношение к нему, т.к. идет речь об отце героя, вместе с тем эпизод этого сказания об определении старшинства и получении чудесного зуба может бытовать и в контаминированном виде в цикле об Уархаге и его сыновьях, но здесь он менее типичен, менее уместен и более всего интерполирован в текст.

Хамыц и Урызмаг отправляются к сестре отца или к своей старшей сестре узнать, кто из них старше. Урызмаг перехитрил Хамыца. Он кладет сумы с провизией за седло Хамыца и сам едет с правой стороны как старший. Урызмага признали старшим, а Хамыц с досады проклял сестру Бораевским ослом. Сестра просит Хамыца спасти ее от позора и за это дарит ему зуб Аркыза. Этот зуб имел такое свойство, что ни одна женщина, которой его покажут, не могла устоять. Этот эпизод сказания об определении старшинства и получении Аркызова зуба устойчив, правда, в некоторых вариантах о старшинстве спорят три героя – Урызмаг, Хамыц, Сослан/Созырыко [1, 289]. Дальше сказание может развиваться по-разному, но это всегда эпизоды о похождениях

Хамыца, связанные с «испытанием» Аркызова зуба. Хамыц показывает зуб девице Алагата и не идет к ней, от этого девушка превращается в змею, или же по дороге домой Хамыц показывает зуб дочери алдара из Фаснарта, Азаухан, и она не может устоять перед ним. С тех пор как Хамыц получил зуб Аркыза его мужество стало таять. Целыми днями он распутничает и нарты прячут от него девушек. Особенно сильно надругался Хамыц над семью невестками Бораты Бурафарныга и Бурафарныг надумал убить его. Бурафарныг натравливает на Хамыца Сайнаг-алдара. Но пока Сайнаг-алдар ищет Хамыца, тот соблазняет его дочь [1, 290-293].

Это сказание важно для характеристики Хамыца. Мотив чудесного зуба неразрывно связан в эпосе с Хамыцем, являясь его атрибутом, и свойства зуба обуславливают поведение героя как бабника, истощившего терпение нартов. Поэтому и гибель Хамыца тоже связывается с мотивом зуба Аркыза.

Хамыца заманивают на пир Бораты Бурафарныг и Сайнаг-алдар (Челахсартаг) и убивают. В одном варианте Хамыца убивает малик города Тынга [1, 293-295]. Колдунья советует малику напугать коня Хамыца волчьей шкурой, т.к. конь вскормлен чертями.

Как видим, в сказаниях о смерти Хамыца встречаются знакомые мотивы: заманивания на пир с целью убийства или использование в поединке волчьей шкуры как колдовского средства. Эти же мотивы являются сюжетобразующими и в цикле Урызмага и Сатаны, и в

сказании о бое Сослана с Тотразом.

Мотив кровной мести Батраза за кровь отца – доминантный мотив цикла и очень популярный в нартовском эпосе вообще. В цикле Батраза он разрабатывается в нескольких направлениях. Так Батраз мстит малику города Тынга, заряжая собой пушку и разбивая город, а потом убивает малика [1, 295-296]. По другим вариантам Батраз мстит Бурафарныгу, убивая его сыновей, а затем убивает Сайнага (Челахсартага) [1, 298-303]. В этих сказаниях мотив мести провоцируется предшествующей ситуацией: «играми» Батраза в детстве и «увечьем» слабого, эпизода, занимающего в сказании устойчивое место с традиционно следующим за ним мотивом испытания матери (прижигание груди) с целью узнать имя убийцы, этим общим местом нартовских сказаний.

Продуктивным в сюжетообразовании выступает мотив испытания стрел. Сначала стрелы испытывают сыновья Бурафарныга, затем Батраз. Испытывая свою стрелу, он убивает всех семерых сыновей Бурафарныга. В сказаниях о мести Батраза Сайнагу появляется и мотив чаши с ядовитыми змеями, которую не может выпить Урызмаг и ему на помощь Сатана посылает Батраза [1, 298-303]. Далее мотив мести разрабатывается в следующем образом: Батраз, по совету своего коня, отправляется к роднику, к которому Сайнаг приводит коней и ждет своего кровника. Когда появляется Сайнаг, Батраз просит показать ему меч. Сайнаг подает меч острием вперед. Батраз просит подать

его рукоятью. На мече зазубрина. Батраз спрашивает, откуда она. Сайнаг отвечает, что она от зуба Хамыца. Тогда Батраз сносит голову Сайнагу. Для этих сказаний характерен мотив отсечения руки. Отомстив за смерть отца, Батраз приносит руку врага Сатане. Сатана требует отнести руку убитого его семье. Этот эпизод с отсечением руки и требованием возратить ее является постоянным в сказаниях и соотносится со скифским обычаем.

Мотив мести Батраза получает иное развитие, когда Батраз мстит нартам. Издеваясь над нартами, он возлагает на них исполнение непосильных задач: вырубить ступицы для повозки из кустарника, наполнить сапог отца пеплом от жженного шелка, который развеивает поднявшийся ветер. Батраз требует сложить огромный костер на берегу моря. Он бросается в этот костер, затем в море и снова закаляется. Выйдя из моря, Батраз требует привезти пушку и выстрелить им по крепости Уарп. Там он истребляет небожителей, а затем начинает истреблять нартов [2, 286-288].

В адыгской версии повествование о мести Батраза сходно с осетинским сюжетом. Батраз мстит пши Маруко, соответствующему осетинскому Сайнагу. Он просит Маруко показать меч и убивает его, а затем рассказывает о своих подвигах перед кадкой сано, которая от его слов льется через край. От нартов за кровь Хымышы он также требует выполнения трудных задач [3, 268-272].

В этой группе сюжетов осетинского цикла основному мотиву мести обычно

предшествуют игры Батраза с увечьем «слабого». Экспозиционное значение этого «общего места» настолько функционально, что оно присутствует и в контаминированных сказаниях, где имеется схожая ситуация.

Цикл Батраза в осетинском эпосе завершается сказанием о его смерти. Смерть Батраза обусловлена его ролью героя-богоборца, его борьбой с небожителями: зэдами и дауагами.

Последняя группа сказаний представлена различными сюжетами [1, 303-316]. Батраз истребляет небожителей десятками. Сами они не могут справиться с ним и идут с жалобой на Батраза к Богу. В других вариантах небожители мстят Батразу за убийство сына Хоралдара. В этих вариантах опять является мотив похвальбы перед нартовской Уацамонга, а Хоралдар прячется в пузырьке пены, чтобы узнать убийцу; вплетаются мотивы земной тяги, пушки Батраза. По вариантам Сырдон отводит гнев Батраза от нартов и направляет его на небожителей [1, 313-316]. Здесь сказание о смерти Батраза контаминируется с мезтью героя и прослеживаются все этапы мести Батраза: Сайнаг-алдару, Бурафарныгу, нартам, небожителям.

Смерть Батраза объясняется по-разному: он или лопаается от злости, или погибает от нестерпимой жары, которую напускает Бог. И если, как отмечалось выше, «ахиллесова пята» в цикле Сослана постоянна (он погибает вследствие того, что Бальсагово Колесо перерезает колени, его уязвимое место), то в

цикле Батраза. в сказаниях о его гибели, «ахиллесова пята» (незакаленная кишка, темя) может вообще не упоминаться. Мотив «ахиллесовой пяты» в цикле Батраза отступает на задний план, т.к. Батраза, бессмертного стального героя, убивает Бог.

Как видим, сюжеты в сказаниях о гибели Батраза могут контаминировать различные мотивы, входящие и в другие сказания цикла, но заключительные мотивы сказания константны во всех вариантах: после смерти от тела Батраза исходит такой дух, что к нему невозможно приблизиться и небожители опять гибнут десятками; Батраза помещают в Софийский склеп, но он сопротивляется (упирается ногами), пока Бог не уронит три слезы. Эти слезы превращаются в святилища: Реком, Мыкалгабырта, Таранджелос.

Таким образом, цикл Батраза представляет биографию героя от рождения до смерти. Но характерной особенностью цикла является то, что эпическая биография Батраза, осложненная биографией Хамыца, может существовать как единое сказание. В этом смысле цикл Батраза подобен генеалогической эпопее. В такие контаминированные сказания входят сюжеты о рождении и закалке Батраза, смерть Хамыца, игры Батраза в детстве, месть Батраза за смерть отца, борьба Батраза с небожителями и смерть Батраза.

Чудесное рождение и мотив уязвимости – циклообразующие и для цикла Батраза, хотя было отмечено, что мотив уязвимости не так ясен в сказании о смерти Батраза, но важно то, что бессмертный герой уязвим с рождения, как предпосылка циклического развития биографии. В цикле Батраза много сюжетобразующих мотивов, характерных именно для этого цикла. Это женитьба Хамыца на девушке из малорослого племени, рождение Батраза из опухоли на спине отца, мотив «Батразядро», пушка Батраза, мотив похвальбы перед Уацамонга, мотив «отравленного напитка» и убийства гадов в чаше булатными усами, мотив мести Батраза. Это и эпизоды богатырского симда нартов, низвержения Батраза с небес на помощь нартам. Все это константы цикла Батраза. Благодаря им сказания цикла получают оригинальное развитие.

Помимо оригинальных мотивов характерных для сказаний о Батразе, в цикл входят мотивы и целые блоки мотивов продуктивные в сюжетобразовании эпоса в целом: мотив увечья, испытания матери, мотив богатырского детства, мотив наделения частью от добычи, блок мотивов, связанных с отправлением на охоту, пиром нартов, которые и формируют основную ткань эпического повествования нартовского эпоса.

---

1. Нарты. Осетинский героический эпос в 3 книгах. М.: Наука, 1990. Кн. 1. 431 с.

2. Нарты. Осетинский героический эпос в 3 книгах. М.: Наука, 1989. Кн. 2. 492 с.
3. Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 415 с.
4. Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев: Абхазский народный эпос. Сухуми: Алашара, 1988. 260 с.
5. Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. Гераномехия: Опыт типологической и жанровой реконструкции. М.: Наука, 1989. 299 с.
6. Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1945. Вып. I. Т. X. 119 с.
7. Dumézil G. Le livre des héros. Légendes sur Nartes / Trad. de l'osète avec une introd. et des notes par Georges Dumézil, prof. Paris: NRF, Gallimard, 1965. 267 p.
8. Нарты. Осетинский героический эпос в 3 книгах. М.: Наука, 1991. Кн. 3. 175 с.
9. Миллер В.Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 222, август. М., 1882. С. 191-207.
10. Dumézil G. Romans de Scythie et d'alentour. Paris: Payot, 1978. 380 p.
11. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1927. Вып. II. 158 с.

Khanaeva, Zarina K. – K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); zk.khan@mail.ru

TALES OF BATRAZ: THE ARCHITECTONICS OF THE CYCLE.

Keywords: *Ossetian epic, motif, plot, dominant character, contamination, plot structure, cycle formation.*

Attention has long been drawn to the structural features of the Ossetian Nart epic. The tales of the Ossetian epic were formed according to the principle of life cycle presentation. Cycles of tales grouped around heroes were singled out, but the factors of formation of such a structure were not considered. The article examines one of the cycles of the Ossetian Nart epic – the Batraz cycle, which presents a high degree of interconnection of motifs, episodes and plots; parallels with the main versions of the Nart epic are drawn. Batraz is one of the central heroes of the Ossetian epic, whose epic biography is presented quite fully: the tales present the classical life cycle of the epic hero from birth to death. The fullness of the cycle, i.e. its saturation with motifs and plots, contributes to a fuller disclosure of the hero's character and a wider coverage of his epic life. It is also noteworthy that the stories about Batraz absorb the plots of his father's biography and can even be transmitted as a single text, which speaks of the formation of the epic structure. The author turns to the motifs and blocks of motifs that make up the cycle and form the fabric of the epic narrative, examines the processes of plot formation, factors that shape the structure of the epic text in the process of oral life, among which the dominant character is first of all emphasized, as well as the process of contamination as a phenomenon that allows the formation and development of the epic text and even the structure of cyclic character. The cycle is characterized by plot-forming motifs characteristic of the Batraz cycle, constant in it, thanks to which the tales receive original development, as well as motifs characteristic of the tales of the epic as a whole, which are plot-forming in the structure of the text.

For citation: Khanaeva, Z.K. *Tales of Batraz: the architectonics of the cycle* // *Izvestiya SOIGSI*. 2025. Iss. 56 (95). Pp. 148-160. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.95.56.008

References

1. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos v 3 knigakh* [Narts. The Ossetian heroic epic in 3 books]. Moscow, Nauka, 1990, book 1. 431 p.
2. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos v 3 knigakh* [Narts. The Ossetian heroic epic in 3 books]. Moscow, Nauka, 1989, book 2. 492 p.
3. *Narty. Adygskii geroicheskii epos* [Narts. The Adyghe heroic Epic]. Moscow, Nauka, 1974. 415 p.
4. *Priklyucheniya narta Sasrykvy i ego devyanosta devyati brat'ev: Abkhazskii narodnyi epos* [The adventures of Nart Sasrykva and his ninety-nine brothers: An Abkhazian folk epic]. Sukhumi, Alashara, 1988. 260 p.
5. Shtahl, I.V. *Epicheskie predaniya Drevnei Gretsii. Geranomakhiya: Opyt tipologicheskoi i zhanrovoi rekonstruktsii* [Epic legends of Ancient Greece. Geranomachy: The experience of typological and genre reconstruction]. Moscow, Nauka, 1989. 299 p.
6. Abaev, V.I. *Nartovskii epos* [The Nart epic]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo NII* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1945, iss. I, vol. X. 119 p.
7. Dumézil, G. *Le livre des héros. Légendes sur Nartes*. Trad. from the Ossetian with an introd. and notes by Georges Dumézil, Prof. Paris, NRF, Gallimard, 1965. 267 p.
8. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos v 3 knigakh* [Narts. The Ossetian heroic epic in 3 books]. Moscow, Nauka, 1991, book 3. 175 p.
9. Miller, V.F. *Cherty stariny v skazaniyakh i byte osetin* [Features of antiquity in the legends and everyday life of Ossetians]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1882, part 222, August, pp.191-207.
10. Dumézil, G. *Romans de Scythie et d'alentour*. Paris, Payot, 1978. 380 p.
11. *Pamyatniki narodnogo tvorchestva osetin* [Monuments of Ossetian folk art]. Vladikavkaz, 1927, vol. II. 158 p.